артур Конан Дойль

английские классики

артур конан дойль

Собрание сочинений в десяти томах

том 10

КНИГА ТРЕТЬЯ

СЮИТА
Москва
1997

ББК 84.4 Вл.
Д62

Конан Дойль А.

Д62 **Собрание сочинений в десяти томах. Перевод с английского. М.: Сюита, 1997.— 560 с.**

Библиотека английских классиков для детей и юношества.

Читатель сможет познакомиться с этими малоизвестными сторонами творчества писателя в рассказах и повестях, представленных в настоящем томе. Часть из них публикуется на русском языке впервые. Вещи, издававшиеся ранее, тщательно сверены издателем-составителем с текстом оригинала и отредактированы заново. Впервые публикуется литературный перевод второй части «Маракотовой бездны», запрещенной советской цензурой. Читатель тома несомненно сможет вновь насладиться талантом мастера детективного рассказа, искусно вычерченной интригой.

Д $\frac{4703010100—1}{Я55(03)—97}$ ББК 84.4 Вл

© Оформление «Сюита», 1997 г.
© Составление, литературная редакция русского текста Йог Раманантата, 1995 г.

ISBN 5—85541—040—4

РАССКАЗЫ

ЛАКИРОВАННАЯ ШКАТУЛКА

— Презанятная произошла со мной история,— начал свой рассказ репетитор,— одна из тех странных и фантастических историй, которые приключаются порой с нами в жизни. В результате я потерял, может быть, лучшее место, которое когда-либо имел или буду иметь. Но все же я рад, что в качестве частного учителя поехал в замок Торп, так как приобрел — впрочем, что именно я приобрел, вы узнаете из моего рассказа.

Не знаю, знакомы ли вы с той частью центральных графств Англии, которая омывается водами Эйвона. Она — самая английская во всей Англии. Недаром же здесь родился Шекспир, воплотивший английский гений. Это край холмистых пастбищ; на западе холмы становятся выше, образуя Молвернскую гряду. Городов в этих местах нет, но деревни многочисленны, и в каждой возвышается серая каменная церковь норманнской архитектуры. Кирпич, этот строительный материал южных и восточных графств, остался позади, и вы всюду видите камень: каменные стены, каменные плиты крыш, покрытые лишайником. Все строения здесь строги, прочны и массивны, как и должно быть в сердце великой нации.

В центре этого края, неподалеку от Ивешема, и стоял старинный замок Торп — родовое гнездо сэра Джона Болламора, двух малолетних сыновей

которого я должен был обучать. Сэр Джон был вдовцом, три года назад он похоронил жену и остался с тремя детьми на руках. Мальчикам было теперь одному восемь, другому десять лет, а дочурке семь. Воспитательницей при той девочке состояла мисс Уизертон, которая стала впоследствии моей женой. Я же был учителем обоих мальчиков. Можно ли вообразить себе более очевидную прелюдию к браку? Сейчас она воспитывает меня, а я учу двух наших собственных мальчуганов. Но вот вы уже и узнали, что именно я приобрел в замке Торп!

Замок и впрямь был очень древний, невероятно древний, частично еще донорманнской постройки, поскольку Болламоры, как утверждают, жили на этом месте задолго до завоевания Англии норманнами. Поначалу замок произвел на меня тягостное впечатление: эти толстенные серые стены, грубые крошащиеся камни кладки, запах гнили, похожий на смрадное дыхание больного животного, источаемый штукатуркой обветшалого здания. Но крыло современной постройки радовало глаз, а сад имел ухоженный вид. Да и разве может казаться унылым дом, в котором живет хорошенькая девушка и перед которым пышно цветут розы?

Если не считать многочисленной прислуги, нас, домочадцев, было всего четверо: мисс Уизертон, тогда двадцатичетырехлетняя и такая же хорошенькая — э-э, такая же хорошенькая, как миссис Колмор сейчас, ваш покорный слуга Фрэнк Колмор — в ту пору мне было тридцать, экономка миссис Стивенс — сухая, молчаливая особа, и мистер Ричардс — рослый мужчина с военной выправкой, исполнявший обязанности управляющего имением Болламора. Мы четверо всегда завтракали, обедали и ужинали вместе, а сэр Джон обыкновенно ел один в библиотеке. Иногда он присоединялся к нам за обедом, но, в общем-то, мы не страдали от его отсутствия.

Одна грозная внешность этого человека способна была привести в трепет. Представьте себе мужчину шести футов и трех дюймов роста, могучего телосложения, с проседью в волосах и лицом ари-

стократа: крупный породистый нос, косматые брови, мефистофельская бородка клином и такие глубокие морщины на лбу и вокруг глаз, словно их вырезали перочинным ножом. У него были серые глаза, усталые глаза отчаявшегося человека, гордые и вместе с тем внушающие жалость. Они вызывали жалость, но в то же время как бы предупреждали: только попробуйте проявить ее! Спина его сутулилась от долгих ученых занятий, в остальном же он был очень даже хорош собой для своего пятидесятипятилетнего возраста и сохранял мужскую привлекательность.

Но холодом веяло в его присутствии. Неизменно учтивый, неизменно изысканный в обращении, он был чрезвычайно молчалив и замкнут. Мне никогда не приходилось так долго прожить бок о бок с человеком и так мало узнать о нем. Дома он проводил время либо в своем собственном маленьком рабочем кабинете в восточной башне, либо в библиотеке в современном крыле. Распорядок его занятий отличался такой регулярностью, что в любой час можно было с точностью сказать, где он находится. Дважды в течение дня он уединялся у себя в кабинете, в первый раз — сразу после завтрака, во второй — часов в десять вечера. По звуку захлопнувшейся за ним тяжелой двери можно было ставить часы. Остальное время он проводил в библиотеке, делая среди дня перерыв на час-другой, для пешей или конной прогулки, такой же уединенной, как и все его существование. Он любил своих детей и живо интересовался их успехами в учебе, но они немного побаивались этого молчальника с нависшими лохматыми бровями и старались не попадаться ему на глаза. Да и все мы поступали так же.

Прошло немало времени, прежде чем мне стало хоть что-то известно об обстоятельствах жизни сэра Джона Болламора, так как экономка миссис Стивенс и управляющий имением мистер Ричардс из чувства лояльности по отношению к своему хозяину не болтали о его личных делах. Что касается гувернантки, то она знала не больше моего, и лю-

бопытство, которое разбирало нас обоих, способствовало в числе прочих причин нашему сближению. Однако в конце концов произошел случай, благодаря которому я ближе познакомился с мистером Ричардсом и узнал от него кое-что о прошлой жизни человека, на чьей службе я состоял.

А случилось вот что: Перси, младший из моих учеников, свалился в запруду прямо перед мельничным колесом, и чтобы спасти его, я должен был, рискуя собственной жизнью, нырнуть следом. Насквозь промокший и в полном изнеможении (потому что я еще больше выбился из сил, чем спасенный мальчуган), я пробирался в свою комнату, как вдруг сэр Джон, услышавший возбужденные голоса, открыл дверь своего маленького кабинета и спросил меня, что случилось. Я рассказал ему о том, что произошло, заверив его, что теперь его мальчику никакая опасность не угрожает. Он выслушал меня с нахмуренным неподвижным лицом, и только напряженный взгляд да плотно сжатые губы выдавали все эмоции, которые он пытался скрыть.

— Постойте, не уходите! Зайдите сюда! Я хочу знать все подробности! — проговорил он, поворачиваясь и открывая дверь.

Вот так я очутился в его маленьком рабочем кабинете, в этом уединенном убежище, порог которого, как я узнал впоследствии, в течение трех лет никто не переступал, и только служанка приходила сюда прибраться. Это была круглая комната (ибо располагалась она внутри круглой башни) с низким потолком, одним-единственным узким оконцем, увитым плющом, и самой простой обстановкой. Старый ковер, один стул, стол из сосновых досок да полочка с книгами — вот и все, что там было. На столе стояла фотография женщины, снятой во весь рост. Черты ее лица мне не запомнились, но я сохранил в памяти общее впечатление доброты и мягкости. Рядом с фотографией стояла большая черная лакированная шкатулка и лежали две связки писем или бумаг, перетянутые тесемкой.

Наша беседа была недолгой, так как сэр Джон Болламор заметил, что я до нитки вымок и должен немедленно переодеться. Однако после того эпизода Ричардс, управляющий, поведал мне немало интересного. Сам он никогда не был в комнате, в которой я оказался по воле случая, и в тот же день он, сгорая от любопытства, подошел ко мне и завел разговор, который мы и продолжили, прогуливаясь по дорожке сада, в то время как мои подопечные играли поодаль в теннис на площадке.

— Вы даже не представляете, какое для вас было сделано исключение,— сказал он.— Эта комната окружена такой тайной, а сэр Джон посещает ее так регулярно и с таким постоянством, что она вызывает у всех в доме почти суеверное чувство. Уверяю вас, если бы я пересказал вам все слухи, которые ходят о ней, все россказни слуг о тайных визитах в нее да о голосах, что оттуда доносятся, вы могли бы заподозрить, что сэр Джон взялся за старое.

— Взялся за старое? А что это значит? — спросил я.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Невероятно! Неужели вы ничего не знаете о прошлой жизни сэра Джона Болламора?

— Ровным счетом ничего.

— Вы меня удивляете. Я думал, в Англии нет человека, который бы не знал о его прошлом. Мне не следует распространяться об этом, но теперь вы тут свой человек, и лучше уж вы узнаете факты его биографии от меня, пока они не дошло до ваших ушей в более грубой и неприглядной форме. Подумать только, а я-то уверен был, что вы знаете, кто вас нанял на службу. «Дьявол Болламор»!

— Но почему «Дьявол»? — спросил я.

— А, вы ведь молоды, время же идет так быстро! Однако двадцать лет назад имя «Дьявол Болламор» гремело по всему Лондону. Он был предводителем компании самых отпетых беспутников, боксером, лошадником, игроком, кутилой, одним словом, прожигателем жизни в духе наших предков, да почище любого из них.

Я уставился на него в полном изумлении.

— Как?! — воскликнул я.— Этот тихий, погруженный в книги человек с грустным лицом?

— Величайший гуляка и распутник в Англии! Только между нами, Колмор. Но вы понимаете теперь, что женский голос у него в комнате и сейчас может навести на подозрения?

— Но что могло его так изменить?

— Любовь маленькой Берил Клэйр, рискнувшей выйти за него замуж. Это стало для него переломом. Он зашел в своем пристрастии к вину так далеко, что с ним перестала знаться его же собственная компания. Ведь одно дело кутила и совсем другое — пьяница. Все эти повесы пьянствуют, но не терпят в своей среде пьяниц. Он же стал рабом привычки, беспомощным и безнадежным. Вот тут-то в его жизнь и вошла она. Разглядев в этом пропащем человеке то хорошее, что в нем таилось, и поверив в его способность исправиться, она решилась пойти за него замуж, хотя это было рискованное решение, и посвятила всю свою жизнь тому, чтобы помочь ему вновь обрести мужество и достоинство. Вы, наверное, обратили внимание на то, что в доме нет никаких спиртных напитков? Так повелось с того дня, когда она впервые появилась здесь. Ведь для него даже сейчас выпить каплю спиртного — это все равно что тигру отведать крови.

— Значит, ее влияние удерживает его до сих пор?

— Вот это-то самое удивительное! Когда она умерла три года тому назад, все мы боялись, что он снова запьет. Она и сама боялась, что он может сорваться после ее смерти: ведь она была настоящим его ангелом-хранителем и посвятила этому жизнь. Между прочим, заметили вы у него в комнате черную лакированную шкатулку?

— Да.

— По-моему, он хранит в ней ее письма. Не было случая, чтобы он, уезжая, пусть даже на одни сутки, не взял свою черную лакированную шкатулку с собой. Вот так-то, Колмор. Может быть, я

рассказал вам больше того, чем следовало, но я рассчитываю на взаимность: поделитесь со мной, если узнаете что-нибудь интересное.

Я, конечно, понимал что этот достойный человек сгорает от любопытства и чуть-чуть уязвлен тем, что я, новичок здесь, первым попал в святая святых, в недоступную комнату. Но сам этот факт поднял меня в его глазах, и с тех пор в наших отношениях появилось больше доверительности.

Отныне молчаливая и величественная фигура моего работодателя заинтересовала меня еще сильней. Мне стали понятны и удивительно человеческое выражение его глаз, и глубокие морщины, избороздившие его изможденное лицо. Он был обречен вести нескончаемую борьбу, с утра до ночи держать на почтительном расстоянии страшного врага, который всегда был готов наброситься на него, врага, который погубил бы и душу его, и тело, если бы только смог снова вонзить в него свои когти. Глядя на суровую сутулую фигуру, идущую коридором или прогуливающуюся в саду, я ощущал эту нависшую над ним грозную опасность так явственно, как если бы она приняла телесную форму. Мне казалось, я почти вижу этого наипрезреннейшего и наиопаснейшего из врагов рода человеческого — вот он припал к земле перед прыжком совсем близко, в тени этой фигуры, как наполовину укрощенный зверь, что крадется рядом со своим хозяином, готовый при малейшей его неосторожности вцепиться ему в горло. А умершая женщина, та женщина, которая до последнего своего вздоха отвращала от него эту опасность, тоже обрела облик в моем воображении: она представлялась моему мысленному взору смутным, но прекрасным видением. Ее ограждающе поднятые руки как бы отводили опасность от мужчины, которого она беззаветно любила.

Каким-то тонким, интуитивным образом он почувствовал мое сочувствие и на свой собственный молчаливый лад показал, что ценит его. Однажды он даже пригласил меня пойти вместе с ним на прогулку, и хотя за все время прогулки мы не пе-

ремолвились с ним ни единым словом, это было с его стороны знаком доверия, которое раньше он никому не оказывал. Кроме того, он попросил меня составить каталог его библиотеки (одной из лучших частных библиотек в Англии), и я проводил долгие вечерние часы в его присутствии, если не сказать в его обществе: он читал, сидя за своим рабочим столом, а я, пристроившись в нише у окна, потихоньку наводил порядок в книжном хаосе. Несмотря на то, что между нами установились более близкие отношения, я ни разу больше не был удостоен приглашения в комнату в башне.

А затем мои чувства к нему резко изменились. Один-единственный случай все перевернул: моя симпатия к нему сменилась отвращением. Я понял, что он остался таким, каким всегда был, и приобрел еще один порок — лицемерие. Произошло же вот что.

Однажды вечером мисс Уизертон отправилась в соседнюю деревню, куда ее пригласили спеть на благотворительном концерте, а я, как обещал, зашел за ней, чтобы проводить ее обратно. Извилистая тропинка огибает восточную башню, и, когда мы проходили мимо, я заметил, что в круглой комнате горит свет. Был теплый летний вечер, и окно прямо над нашими головами было открыто. Занятые своей беседой, мы остановились на лужайке возле старой башни, как вдруг случилось нечто такое, что прервало нашу беседу и заставило нас забыть, о чем мы говорили.

Мы услышали голос — голос, безусловно, женский. Он звучал тихо — так тихо, что мы расслышали его только благодаря царившему вокруг безмолвию и неподвижности вечернего воздуха, но, пусть приглушенный, он вне всякого сомнения, имел женский тембр. Женщина торопливо, судорожно глотая воздух, произнесла несколько фраз и смолкла. Говорила она жалобным, задыхающимся, умоляющим голосом. С минуту мы с мисс Уизертон стояли молча, глядя друг на друга. Затем быстро направились ко входу в дом.

— Голос доносился из окна,— сказал я.

— Не будем вести себя так, точно мы нарочно подслушивали,— ответила она.— Мы должны забыть про это.

В том, как она это сказала, не было удивления, что навело меня на новую мысль.

— Вы слышали этот голос раньше! — воскликнул я.

— Я ничего не могла поделать. Ведь моя комната находится выше в той же башне. Это бывает часто.

— Кто бы могла быть эта женщина?

— Понятия не имею. И предпочла бы не вдаваться в обсуждение.

Тон, каким она это сказала, достаточно красноречиво поведал мне о том, что она думает. Но если допустить, что хозяин дома вел двойную и сомнительную жизнь, то кто же тогда эта таинственная женщина, которая бывала у него в старой башне? Ведь я собственными глазами видел, как уныла и гола та комната. Она явно не жила там. Но откуда она в таком случае приходила? Это не могла быть одна из служанок: все они находились под бдительным присмотром миссис Стивенс. Посетительница, несомненно, являлась снаружи. Но каким образом?

И тут мне вдруг вспомнилось, что здание это построено в незапамятные времена и, вполне возможно, имеет какой-нибудь средневековый потайной ход. Ведь чуть ли не в каждом старом замке был подземный ход наружу. Таинственная комната находится в основании башни, и в подземный ход, если только он существует, можно спуститься через люк в полу. А вблизи — многочисленные коттеджи. Другой выход из потайного хода, возможно, находится где-нибудь в зарослях куманики в соседней рощице. Я не сказал никому ни слова, но почувствовал себя обладателем тайны этого человека.

И чем больше я в этом убеждался, тем сильнее поражался искусству, с каким он скрывал свою подлинную сущность. Глядя на его суровую фигуру, я часто задавался вопросом: неужто и впрямь

возможно, чтобы такой человек вел двойную жизнь? И тогда я старался внушить себе, что мои подозрения, возможно, в конце концов окажутся беспочвенными. Но как быть с женским голосом, как быть с тайными ночными свиданиями в башенной комнате? Разве поддаются эти факты такому объяснению, при котором он выглядел бы невинным? Человек этот стал внушать мне ужас. Я преисполнился отвращения к его глубоко укоренившемуся, въевшемуся в плоть и кровь лицемерию.

Только раз за все те долгие месяцы я видел его без этой грустной, но бесстрастной маски, которую он носил на людях. На какой-то миг я стал невольным свидетелем того, как вырвалось наружу вулканическое пламя, которое он так долго сдерживал. Взорвался он по совершенно ничтожному поводу; достаточно сказать, что гнев его обрушился на старую служанку, которой, как я уже говорил, одной разрешалось входить в загадочную комнату. Я шел коридором, ведущим к башне (так как моя собственная комната тоже находилась в той стороне здания), когда до моих ушей внезапно долетел испуганный вскрик и одновременно — хриплый нечленораздельный рев взбешенного мужчины, похожий на рык разъяренного дикого зверя. Затем я услышал его голос, дрожащий от гнева.

— Как вы посмели! — кричал он.— Как вы посмели нарушить мой запрет!

Через мгновение по коридору почти пробежала мимо меня служанка, бледная и трепещущая, а грозный голос гремел ей вдогонку:

— Возьмите у миссис Стивенс расчет! И чтобы ноги вашей не было в Торпе!

Снедаемый любопытством, я не мог не последовать за несчастной женщиной и нашел ее за поворотом коридора: она прислонилась к стене, вся дрожа, как испуганный кролик:

— Что случилось, миссис Браун? — спросил я.

— Хозяин! — задыхаясь, вымолвила она.— О, как же он меня напугал! Видели бы вы его глаза,

мистер Колмор. Сэр, я думала, пришел мой смертный час.

— Но что же вы такое сделали?

— Да ничего, сэр! По крайней мере, ничего такого, чтобы навлечь на себя его гнев. Только и всего, что взяла в руки эту его черную шкатулку, даже и не открыла ее, как вдруг входит он — вы и сами слышали, как его разобрало. Мне отказали от места, а я и сама рада: теперь я близко подойти-то к нему никогда бы не осмелилась.

Вот, значит, из-за чего он вспылил, из-за лакированной шкатулки, с которой никогда не расставался. Интересно, была ли какая-нибудь связь между нею и тайными визитами дамы, чей голос я слышал, и если да, то какая? Сэр Джон Болламор был не только яростен в гневе, но и не отходчив: с того самого дня миссис Браун, служанка, убиравшаяся в его кабинете, навсегда исчезла с нашего горизонта, и больше о ней в замке Торп не слыхали.

А теперь я расскажу вам о том, как я по чистой случайности получил ответы на все эти странные вопросы и проник в тайну хозяина дома. Возможно, мой рассказ заронит в вашей душе сомнение: не заглушило ли мое любопытство голос чести и не опустился ли я до роли соглядатая? Если вы подумаете так, я ничего не смогу поделать, но только позвольте заверить вас: все было в точности так, как я описываю, какой бы неправдоподобной ни казалась эта история.

Началось с того, что незадолго до развязки комната в башне стала непригодной для жилья. Обвалилась источенная червями дубовая потолочная балка. Давно прогнившая, она в одно прекрасное утро переломилась пополам и рухнула на пол в лавине штукатурки. К счастью, сэра Джона в тот момент в комнате не было. Его драгоценная шкатулка была извлечена из-под обломков и перенесена в библиотеку, где и лежала с тех пор запертой в бюро. Сэр Джон не отдавал распоряжений отремонтировать комнату, и я не имел возможности поискать потайной ход, о существовании которого подозре-

вал. Что касается той дамы, то я думал, что это событие положило конец ее визитам, пока не услышал однажды вечером, как мистер Ричардс спросил у миссис Стивенс, с какой это женщиной разговаривал сэр Джон в библиотеке. Я не расслышал ее ответ, но по всей ее манере понял, что ей не впервой отвечать на этот вопрос (или уклоняться от ответа на него).

— Вы слышали этот голос, Колмор? — спросил управляющий.

Я признался, что слышал.

— А что вы об этом думаете?

Я пожал плечами и заметил, что меня это не касается.

— Ну, ну, оставьте, вам это так же любопытно, как любому из нас. Вы думаете, это женщина?

— Безусловно, женщина.

— Из какой комнаты доносился голос?

— Из башенной, до того, как там обвалился потолок.

— А вот я не позже, чем вчера вечером, слышал его из библиотеки. Я шел к себе ложиться спать и, проходя мимо двери в библиотеку, услыхал стоны и мольбы так же явственно, как сейчас слышу вас. Может быть, это и женщина...

— Как так — «может быть»?

Мистер Ричардс выразительно посмотрел на меня.

— «Есть многое на свете, друг Горацио...» — проговорил он.— Если это женщина, то каким образом она туда попадает?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Но если это то самое... впрочем, в устах практичного делового человека, живущего в конце девятнадцатого века, это, наверно, звучит смешно.— Он отвернулся, но по его виду я понял, что он высказал далеко не все, что было у него на уме. Прямо у меня на глазах ко всем старым историям о призраках, посещающих замок Торп, добавлялась новая. Вполне возможно, что к этому времени она заняла прочное место среди ей подобных, так

как разгадка тайны, известная мне, осталась неизвестной остальным.

А для меня все объяснилось следующим образом. Меня мучила невралгия, и я, проведя ночь без сна, где-то около полудня принял большую дозу хлородина, чтобы заглушить боль. В ту пору я как раз заканчивал составление каталога библиотеки сэра Джона Болламора и регулярно работал в ней с пяти до семи вечера. В тот вечер меня валила с ног сонливость: сказывалось двойное действие бессонной ночи и наркотического лекарства. Как я уже говорил, в библиотеке имелась ниша, и здесь-то, в этой нише, я имел обыкновение трудиться. Я устроился для работы, но усталость одолела: я прилег на канапе и забылся тяжелым сном.

Не знаю, сколько я проспал, но, когда проснулся, было совсем тихо и темно. Одурманенный хлородином, я лежал неподвижно в полубессознательном состоянии. Неясно вырисовывались в темноте очертания просторной комнаты с высокими стенами, заставленными книгами. Из дальнего окна падал слабый лунный свет, и на этом более светлом фоне мне было видно, что сэр Джон Болламор сидит за своим рабочим столом. Его хорошо посаженная голова и четкий профиль выделялись резким силуэтом на фоне мерцающего прямоугольника позади него. Вот он нагнулся, и я услышал звук поворачивающегося ключа и скрежет металла о металл. Словно во сне я смутно осознал, что перед ним стоит лакированная шкатулка и что он вынул из нее какой-то диковинный плоский предмет и положил его на стол перед собой. До моего замутненного и оцепенелого сознания просто не доходило, что я нарушаю его уединение, так как он-то уверен, что находится в комнате один. Когда же наконец я с ужасом понял это и наполовину приподнялся, чтобы объявить о свем присутствии, раздалось резкое металлическое потрескивание, а затем я услышал голос.

Да, голос был женский, это не подлежало сомнению. Но такая в нем слышалась мольба, тоска и любовь, что мне не забыть его до гробовой доски.

Голос этот пробивался через какой-то странный далекий звон, но каждое слово звучало отчетливо, хотя и тихо — очень тихо, потому что это были последние слова умирающей женщины.

«На самом деле я не ушла навсегда, Джон,— говорил слабый, прерывистый голос.— Я здесь, рядом с тобой, и всегда буду рядом, пока мы не встретимся вновь. Я умираю счастливо с мыслью о том, что утром и вечером ты будешь слышать мой голос. О, Джон, будь сильным, будь сильным вплоть до самой нашей встречи!»

Так вот, я уже приподнялся, чтобы объявить о своем присутствии, но не мог сделать этого, пока звучал голос. Единственное, что я мог,— это застыть, точно парализованный, полулежа-полусидя, вслушиваясь в эти слова мольбы, произносимые далеким музыкальным голосом. А он — он был настолько поглощен, что вряд ли услышал бы меня, даже если бы я заговорил. Но как только голос смолк, зазвучали мои бессвязные извинения и оправдания. Он вскочил, включил электричество, и в ярком свете я увидел его таким, каким, наверное, видела его несколько недель назад несчастная служанка,— с гневно сверкающими глазами и искаженным лицом.

— Мистер Колмор! — воскликнул он.— Вы здесь?! Как это понимать, сударь?

Сбивчиво, запинаясь, я пустился в объяснения, рассказав и про свою невралгию, и про обезболивающий наркотик, и про свой злополучный сон, и про необыкновенное пробуждение. По мере того, как он слушал, гневное выражение сходило с его лица, на котором вновь застыла привычная печально-бесстрастная маска.

— Теперь, мистер Колмор, вам известна моя тайна,— заговорил он.— Виню я одного себя: не принял всех мер предосторожности. Нет ничего хуже недосказанности. А коль скоро вам известно так много, будет лучше, если вы узнаете все. После моей смерти вы вольны пересказать эту историю, кому угодно, но пока я жив, ни одна душа не должна услышать ее от вас, полагаюсь на ваше чувство чести. Гордость не

позволит мне смириться с той жалостью, какую я стал бы внушать людям, узнай они эту историю. Я с улыбкой переносил зависть и ненависть людей, но терпеть их жалость выше моих сил.

Вы видели, откуда исходит звук этого голоса — голоса, который, как я понимаю, возбуждает такое любопытство в моем доме. Мне известно, сколько всяких слухов о нем ходит. Все эти домыслы — и скандальные, и суеверные — я могу игнорировать и простить. Чего я никогда не прощу, так это вероломного подглядывания и подслушивания. Но в этом грехе, мистер Колмор, я считаю вас неповинным.

Когда я, сударь, был совсем молод, много моложе, чем вы сейчас, я с головой окунулся в светскую жизнь Лондона. Благодаря моему толстому кошельку у меня появилась масса мнимых друзей и дурных советчиков. Я жадно пил вино жизни, и если есть на свете человек, пивший его еще более жадно, я ему не завидую. В результате пострадал мой кошелек, пострадала моя репутация, пострадало мое здоровье. Я пристрастился к спиртному и не мог обходиться без него. Мне больно вспоминать, до чего я докатился. И вот тогда, в пору самого глубокого моего падения, в мою жизнь вошла самая нежная, самая кроткая душа, которую Господь Бог когда-либо посылал мужчине в качестве ангела-хранителя. Она полюбила меня, совсем пропащего, полюбила и посвятила свою жизнь тому, чтобы снова сделать человеком существо, опустившееся до уровня животного.

Но ее сразила мучительная болезнь; она истаяла и умерла у меня на глазах. В часы предсмертной муки она думала не о себе, не о своих страданиях, не о своей смерти. Все ее мысли были обо мне. Сильнее всякой боли ее терзал страх, что после того, как ее не станет, я, лишившись ее поддержки, вернусь в прежнее животное состояние. Напрасно клялся я ей, что никогда не возьму в рот ни капли вина. Она слишком хорошо знала, какую власть имел надо мной этот дьявол, ведь она столько билась, чтобы ослабить его хватку. День и ночь ей не давала покоя мысль, что моя душа может снова оказаться в его когтях.

От какой-то из подруг, приходивших навестить и развлечь больную, она услышала об этом изобретении — фонографе — и с проницательной интуицией любящей женщины сразу поняла, как она могла бы воспользоваться им для собственных целей. Она послала меня в Лондон раздобыть самый лучший фонограф, какой только можно купить за деньги. На смертном одре она, едва дыша, сказала в него эти слова, которые с тех пор помогают мне не оступиться. Что еще в целом свете могло бы удержать меня, одинокого и неприкаянного? Но этого мне достаточно. Бог даст, я без стыда посмотрю ей в лицо, когда Ему будет угодно воссоединить нас! Это и есть моя тайна, мистер Колмор, и я прошу вас хранить ее, пока я жив.

СОДЕРЖАНИЕ

Человек из Архангельска. *Перевод П. Гелевы* 6
Исповедь узника камеры № 24. *Перевод В. Ашкенази* 33
Хозяин «Черного Замка». *Перевод П. Гелевы* 49
Исчезнувший экстренный поезд. *Перевод Н. Высоцкой* .. 64
Начало военной карьеры Гилари Джойса. *Перевод М. Антоновой* 85
Три корреспондента. *Перевод П. Гелевы* 97
Знамя свободы. *Перевод М. Антоновой* 123
Новые катакомбы. *Перевод Е. Нестеровой* 143
Кожаная воронка. *Перевод В. Воронина* 160
Лакированная шкатулка. *Перевод В. Воронина* 175
Черный доктор. *Перевод Е. Нестеровой* 191
Тайна замка Свэйлклифф. *Перевод В. Полякова* 211
Смуглая рука. *Перевод Ю. Жуковой* 251
Бразильский кот. *Перевод Л. Мотылева* 269
Охотник за жуками. *Перевод Е. Нестеровой* 291
Привидения в замке Горсторп-Грэйндж. *Перевод В. Полякова* 309
Человек с часами. *Перевод В. Воронина* 330
Иудейский наперсник. *Перевод В. Воронина* 351
Месть лорда Сэнкокса. *Перевод В. Воронина* 375
Из глубин. *Перевод В. Воронина* 388
Ужасы поднебесья. *Перевод Л. Ганкина* 401
Подъемник. *Перевод Е. Нестерово* 421
Кошмарная комната. *Перевод В. Воронина* 435
Странное происшествие в Оксфорде. *Перевод Н. Высоцкой* 444
Джон Баррингтон Каулз. *Перевод О. Варшавер* 482
Игра с огнем. *Перевод Ю. Жуковой* 507
Маракотова бездна, часть вторая. *Перевод П. Гелевы* 524

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ
Собрание сочинений в десяти томах
Том десятый. Книга третья

Оформление *М. Салтыков*
Художник *А. Алькое*

Лицензия ЛР № 061595. 10.09.92.
Сдано в набор 04.12.95. Подписано в печать 28.12.95. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Печать высокая. Физ. п. л. 17,5. Тираж 15 000. Заказ 7061.

Издательство «Сюита», 101854, Москва, Чистопрудный бульвар, 8.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.